

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СКАЗКАХ ТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ

Язык сказок (в том числе и селькупских) определяется в значительной степени их жанром: существует большая традиционность, стабильность (инвариантность) повествования; в сказках высок автоматизм речи, велика роль готовых, легко воспроизводимых шаблонов (так называемых формул), придающих особый характер языку сказок. Сказки не столько создаются, сколько исполняются: при этом изменяется и сказочник-исполнитель, и текст, и слушатель. Ни фактического, ни изображаемого автора, место которого заступает исполнитель, в сказках нет. Сказочник-исполнитель, стараясь как можно более точно передать сказку (сказка - "искренний плагиат", по словам Н.Рошияну, 1974 : 8), допускает - сознательно или бессознательно - неточности в копировании, изменяет текст, проявляя подчас большую оригинальность, индивидуальность; привнесение в текст сказки реальных высказываний героев - чужой речи в самых различных ее видах (от отдельных реплик до развернутых монологов и пространных диалогов) - оживляет повествование, создает особую его напряженность; речевой акт в тексте сказки нередко является эмоциональной кульминацией текста. Анализ речевых актов в текстах селькупских сказок и посвящена данная статья.

Под чужой речью (или речевыми актами) действующих лиц сказки понимается речь, не принадлежащая сказочнику, а лишь воспроизведенная им. Самый факт воспроизведения чужой речи предполагает наличие плана говорящего лица, на фоне которого и выделяется чужая речь. Исполнитель (а порою и слушатель) стремится отождествить себя с разными героями сказки, как бы перевоплощаясь из одного образа в другой (возможно, именно поэтому герои селькупских сказок обычно не называются по именам, а обозначаются нарицательными существительными: *il'sa* "дед", *imyl'a* "бабушка", *ima* "жена", *iga* "муж", "старик", *imaqota* "старуха", *ija* "мальчик", *nal'a* "дочь", *timha* "брат" и т.д. Лишь изблюбленные герои могут иметь имя собственное. У тазовских селькупов это *Ica*, *Icacusuka*). Голос повествователя в сказках едва слышен (см. об этом дальше), но при передаче чужой речи (речи персонажа) говорящий (сказочник) с помощью определенных средств устанавливает между собой и автором цитаты

некоторую дистанцию, отмежевываясь в эти моменты от героя.

Высказывания персонажей (их речевые акты) в селькупских сказках¹ занимает более 30 % текста (на 1725 проанализированных фраз их приходится около 550). Обычно они представляют собой реплики, сообщающие о намерениях, желаниях или требованиях героев - людей и животных. В сказках, как и вообще в фольклоре и в древней литературе, преобладает так называемое одногласие, т.е. персонажи высказываются в той речевой манере, которой требует жанровая традиция: их реплики не индивидуализированы и ничем не отличаются от речи исполнителя. Речь действующего лица - это речь самого сказочника за него. Как говорит Д.С.Лихачев: "...автор - своего рода кукловод. Кукла лишена собственной жизни и собственного голоса. За нее говорит автор своим голосом, своим языком и привычным стилем. Автор как бы переизлагает то, что сказало или могло бы сказать действующее лицо. Этим достигается своеобразный эффект немости действующих лиц, несмотря на всю их внешнюю многоречивость" (Лихачев, 1969 : 313). Нередко в сказках наблюдается возможность различного распределения перемешавшихся реплик действующих лиц, двойная отнесенность речевых актов - возможность их одновременной принадлежности и героя (и даже разным героям), и повествователю. Например, в сказке о медведе, пришедшем жить в дом к старику, рассказывается: *Ukkur rōr rōqupu mōttu qorqu āēgnat 'O-o, ukkurāak ilentī*: "Один раз с улицы в чум медведь вошел. 'O-o! Вместе будем жить". Данная реплика может быть в равной мере приписана и медведю, и гостеприимному хозяину. Однако следующая фраза снимает неоднозначность: *Iraty tomluty: 'Ukkurāak ilentī, nōty kuttar ilentī?* "Старик сказал: 'Вместе будем жить, дальше как будем жить?" (т.е. дал согласие на предложение пришельца). *Ontu laksaltupra. Il'ca, mat tāntu ukkur ēty ketentak* "Сам приплясывает. 'Дед, я тебе одно слово скажу". Снова можно ожидать, судя по обращению, что реплика произносится медведем, но это не так: *il'ca* "дед" - распространенное эфемистическое название для *qorqu* "медведя"; из последующих фраз становится ясно, что эта реплика принадлежит старику-хозяину.

Чужая речь может быть передана различными способами, вследствие чего она подразделяется на прямую, несобственно-прямую и косвенную, которая в данной статье рассматриваться не будет. Если план говорящего существует отдельно от чужой речи и синтаксически с ним никак не связан, то чужая речь выступает как прямая речь; если разрыв между двумя планами нет, а чужая речь подчинена синтакси-

чески плану рассказчика, то имеет место косвенная речь, а в случае подчиненности плана говорящего плану чужой речи, - несобственно-прямая речь.

Прямая речь дословно передает чужую речь и выявляется в самых разнообразных конструкциях - здесь и отдельные междометия, и короткие реплики в диалоге, и самостоятельные высказывания, переходящие иногда в развернутый монолог (сюда же надо отнести заклинания, встречающиеся в тексте сказок). Интересно отметить, что несмотря на разговорный стиль сказок единственное, что практически никогда не встречается в сказках (за исключением редких оговорок сказочника), это неинициальные предложения, которые так характерны для разговорной речи и для художественных произведений, широко воспроизводящих прямую речь.

Прямая речь по-разному вводится в повествование.

В селькупских сказках 43 % фраз, представляющих прямую речь, имеют вводящие слова, назначение которых - указать на самый речевой акт, на то, кому принадлежит прямая речь.

подавляющее большинство вводящих слов занимает препозитивное положение по отношению к прямой речи, изредка - постпозитивное и никогда (в отличие, например, от русских сказок) - интерпозитивное (233 случая препозиции вводящих слов и только 3 - постпозитивного их положения). В качестве вводящих слов чаще всего выступают двусоставные предложения с глаголами говорения: *ketūtytu* "сказал" (обычно *nīl'suk ketūtytu* "так сказал"), *oryñña*, *oryññavu* "говорит", *oryññōtyt* "говорят", *tomtytu* "сказал" *koqālympōtyt* "поговаривают", *koqālytytytu* "рассказал". Глаголы говорения, служащие словами, вводящими прямую речь, называют речевые проявления интеллектуальной деятельности человека (*tēnupra* "думает"), эмоциональной (*beññūmōna* "рассердился"), волевой и познавательной (*soqušytytu* "спросил", ср. *qurālytytytu* "велел"; *soquñña*, *soquññytytu* "спрашивает").

Нередко функцию говорения выполняет глагольная связка *ēqo*: *Il'ca nīl'suk ēsa: 'Nor qetqolalyty* "Старик так сказал (букв.: стал): 'Бог (меня) убить собрался"; *Ica nīq ēsa: 'Tar rōn, imyl'a, mat kīncar sīñka* "Ича так сказал (стал): 'В этом году, бабушка, у меня запора (для рыбной ловли) нет".

Указание на факт речи может сочетаться с характеристикой роли данного акта речи в коммуникации: *ketytī hantū* "сговорились" (они двое) *mullēmpōtyt* "разговаривают", *pyqtalytytytu* "подсказал, предупредил".

Иногда глагол говорения содержит одновременно характеристику некоторых внешних особенностей акта речи: *laakuhla* "кричит", *laakal'na* "крикнул".

Выделению прямой речи способствуют не только вводящие слова, но и используемые в ней (чаще, чем в контексте исполнителя) междометия и хорошо модулированная интонация, например: *Qoquty wasyl' kusal'a. Qoquty, aqolashla. 'Ru-ru-ru, opa!'* "Увидел кусочек мяса. Увидел, есть начал. 'Пы-пы-пы, своим пахнет!'"; *Ira nil'suk ket'chuty: 'Nõn-bõn-bõn-ri!'* *Nom ej ukkur, nom ej ukkur!'* *Aj sobtu muntuk ammēntuty* "Старик так сказал: 'Нен-нен-нен-пыл! Боже, еще один (кусочек)! Боже, еще один!' И сало все съел"; ... *qural'qälük nannäruk zentalra, nannäruk laksuga. 'Y-xa, u-xa, N'omal' Pogdu ira qattēntu ...* "Хромой ненец так радуется, так прыгает. 'Ха-ха, ха-ха, старик Немаль Порки попался'".

Речь персонажа, как в первом и в последнем из приведенных примеров, может быть включена в повествование рассказчика без вводящих слов; контекст сказки в таких случаях служит лишь для описания окружающей обстановки, в которой совершается речевой акт. Изменение места чужой речи и перемещение сказочного контекста в этих случаях невозможны: *Iral'ru innä räqulaa ijaluc: 'Katsat, katsat, qaj äintu tattysa?'* "Старикашка повернулся к мальчику: 'Внук, внук, что тебя принесло?'; *Ukkur rög röguru möttu qorqu börga. 'O-o, ukkurgak ilent!'* "Один раз с улиц в чум медведь вошел: 'O-o, вместе будем жить!'; *Nūdu löma tüla: 'Il'oa, qaj mötuty?'* "Потом заяц пришел. 'Дед, что делаешь?'; *Tämmäqka Nätäq-kantü tüla: 'N'ätyl'l'ä qellil!'* "Томнэнка к Нэтэнке пришла. 'Траву собирать давай пойдём!'".

В сказках используется также особый сложный прием передачи чужой речи, соединяющий в себе особенности прямой и косвенной речи и, кроме того, обладающий собственными, специфическими чертами. Это так называемая несобственно-прямая речь, которая синтаксически не выделяется из речи повествователя. Она присоединяется к речи рассказчика при помощи союза (обычно заимствованного из русского языка - *što*), как косвенная речь, но сохраняет лицо и число глагола, характерные для прямой речи, т.е. представляет собой соединение с помощью союза вводящих слов рассказчика и прямой речи персонажа, своеобразное смешение их. Например: *Qumyt ketymrötüt, što tat soräqily ämtyl' qõl näl'an mötqu äqõq* "Люди сказали, что твои (вместо "его", как должно было бы быть в косвенной речи) братья в доме дочерей царя находятся."; *Nūdu antaleja, što ää mity-*

talantak tat qomhänty, ämtyl' qõl' ira nil' ketutyty, što ää mityrantal mat qomtam - ämtu tö rasyttantam. "Тогда он побился о заклад, что я перегоню твои деньги. Старик-царь так сказал, что (если) не перегонишь мои деньги, - голову твою отрублю".

Иногда в несобственно-прямой речи употребляются вводные слова и частицы *шута, шопра*, заимствование из русского языка *мол*, подчеркивающие принадлежность речи герою, а не рассказчику: *Nūdu vol'syt äisyр to ratqyllēmpaty - latao, шута, möt šertak* "Пстом крепления лыж размотал - ладно, мол, в чум войду".

Несобственно-прямая речь возможна и после вводящих слов рассказчика, например: *Šõl' qumyl' ira nil' ketutyty: 'Mopra, lussä turgorä ärstätätü'* "Селькупский старик так сказал: 'Мол, лучше дробью заряди!'; *Paska äšša kukala: Lussä, mol, önäntu qõlly nyl-läduja. Nū cattutyty* "Поп не захотел (становиться под выстрел). Лучше, мол, твой собственный князь пусть встанет. Туда выстрелил".

Обычно повествовательный текст сказок - имперсональное повествование (в таких случаях говорят о нулевом повествовательном голосе сказителя), но иногда в нем можно обнаружить "следы рассказчика", которые прослеживаются в наличии вставных (нередко риторических) вопросов в контексте. Их назначение - оживить ослабевшее внимание слушателя, заинтересовать его. Голоса персонажа и рассказчика здесь едва различимы, как бы сливаются в один голос: *Imaqota nil'suk ketyty: 'Ica, mat ämytälä innä ammērap tat tutal.* *Ica rörü al'ca, qul'ca. Nūdu imaqota kussä qatenta? 'Старуха так сказала: 'Ича, я, забывши, съела твоего караса'. Ича сразу упал, умер. После этого старуха куда денется?'; *Tan näl'aily man imax qetpötüt, räqysä päraqylpötüt. Imasä äin niñäyuk! A to qumintu muntuk qettar'. Ätyl' qok kussä qatenta? (Ича:)* "Твои дочери мою жену убили, ножом закололи. Жену мне да! А то твоих людей всех убью'. Царь куда денется?"; *Qõlyk näl'äntu Isakusykan-tu äisyty. Isakusyka qaj mötutyty? Imar İsyty* "Ненец свою дочь Ичакичике дал. Ичакичика что сделает? Жену взял."; *Ira cūgyza, cūgyza, mötu qaj metuty? Imäntu hõlä qäza* "Старик плакал, плакал, дальше что сделает? Жену догонять пошел".*

В некоторых сказках повествование, ведшееся сказочником, неожиданно начинает вестись от лица героя, а затем снова сменяется на рассказ от лица повествователя: *Ica tönty karrä panifhää. Wergy tönty. Perqar cūšälyntu. Karräqyt töt kūqyt wergy pü omta. Näссä kökkysä tulyššak, pūntu innä syqylsak. İllä cam omtak - picca ma-*

йур ottalay. ... Nыуу qeэnak hаnnа tettat mоttу. Mоttу tйlak.
 "Ича на озеро вниз спустился, на большое озеро. У меня живот заболел. Внизу посреди озера большой камень стоит. Я туда еще добрался, на камень залез. Едра сел, жука меня укусила. ... Потом поехал дальше а чум богача. В чум приехал." Дальше идут фразы, которые могут быть неоднозначно интерпретированы по своей принадлежности герою или исполнителю-сказочнику. Затем снова следует текст повествователя: Nышту tйmpоbтыt imal'1'а. qаl-1га nйl'сук toшауty: 'Kuty nаsur pйsаltanta, nаl'ауу nауууk mйntар.' Nыуу qаl-1га: 'Ica qаj ketenta?' "Там пришли свататься. Ненец так сказал: 'Кто меня расщепит, мою дочь тому дам'. ... Потом ненец (говорит): 'Ича что скажет?'. В этом месте повествование снова сменяется на прямую речь (ответ Ичи)² с предваряющими ее вводными словами, которая переходит в монолог героя - рассказ о случившемся с ним на озере эпизоде, целиком совпадающий с предыдущим описанием.

Вкрапления в текст чужой речи обычно предполагают наличие коммуникации. Основной формой языкового общения является диалог.

В большинстве своем диалогические включения в сказки тазовских селькупов кратки. Они могут быть различных видов: 1) одна реплика представляет собой вопрос, вторая - ответ на него; 2) первая реплика - приказание, пожелание что-либо сделать, вторая - ответная реакция (согласие или отказ); 3) обе реплики равноценны, отражают спор собеседников, намерение каждого из них действовать определенным образом, или, наоборот, согласованность мнений.

Примером вопросно-ответного диалога может служить следующий разговор Лисы и Медведя (начало диалога сопровождается вводными словами рассказчика, которые затем элиминируются из повествования).
 Медведь: Qаj mеtal? "Что ты делаешь?"

Лиса: Mйkаt сйlum тап аmтаа. Таt wаqарal'сату "Черемуху вот ем. Ты попробуй" (Медведь пробует).

Медведь: Nаmаntу wоmа mйkаt сйlum kйуу qоsаl? "Где (откуда) такую хорошую черемуху ты нашла?"

Лиса: Mаt tо йтуу уlquу qоsар. "Я на той стороне под водой (из-под воды) нашла (достала)".

Медведь: Kuttар таt йsаl йтуу уlquу mйkаt сйlum? "Как ты взяла из-под воды черемуху?"

Лиса: Mоmа qоrар tо tйтууу, nууу mаt ауntу йтуsар. "Заяц мою шкуру содрал, потом я оттуда взяла".

Медведь: Kyэвa, mаn еj tйтуylар mйkаt сйlum. "Ну-ка, и я дай достану черемуху!"

Столь пространные диалоги в сказках встречаются редко. Чаще это две-три реплики, объединенные в один микродиалог:

Муж: Kйууty qetkаntу эеkур? "Где (откуда) добываешь ты глухарей?"

Жена: Pауsа сattуkkак эеkур "Ножом бросаю я в глухарей".

Другой пример - разговор Ичи с бабушкой.

Ичи: Wаrqu tйtар kuссa qattуs? "Моего большого караса куда дела?"

Старуха: Ica, mаn емyтtйlа йnnа аmтарар таt tйtal "Ича, я, забывши, съела твоего караса".

Диалоги, включающие в свой состав императив, разнообразнее по своей структуре. Так, могут быть объединены в один диалог императив и ответная реакция на него; два императива, выражающие последовательно просьбу и ответное приглашение; реплика, дающая описание ситуации, и ответная реплика - призыв к действию; реплика - приказание и возражение в виде вопроса, а затем разъяснение отказа. Примеры:

1) Мать: йja, таt hаrloqat qоруl' pоrqal tokkaltat аj sаloqat qоруl' pоrqal tokkaltat! "Сын, ты свою парку из шкуры красной лисицы надень и из шкуры чернобурой лисицы надень!"

Сын: Та: hйqаjуm аs тапуmаl. "Ты ничего не понимаешь".

2) Мальчик: Tо хйn йtаs! "Отпусти меня!"

Черт: Аs хйntу йtаntак. "Не отпущу тебя".

3) Брат: Таp qишоqйу mоttу йtаty, арstаty, арsаl аnа. "Этих моих людей в дом пусти, накорми, если у тебя еда есть".

Водовоз: Таntууlуl kоnnа "Поднимитесь (выйдите) на берег!"

4) Первый мужчина: Pаrtаl Pоtра! "Кипит, горячо!"

Второй мужчина: Qаbаty (вместо qаbураты), mйkуttу! "Остуди, клади за пазуху!"

5) Старуха: Олар unталty "Моя голову очисти от вшей!"

Жена: Kuхйауt mаn unталtаntар таp оlаmty? йjal mаkkа kеtуttуty: "Pешуl pоrqар mеty" "Когда я очисти от вшей твою голову? Твой сын мне сказал: 'Обувь и одежду мне (для меня) сделай'".

Наконец, диалог может состоять из реплик, не содержащих ни вопроса, ни императива, например:

6) Дед-черт: ... tй mat тауntу аmтуqа "Теперь я тебя съел".

Мальчик: Mаn mеsаs сйkа, kуссаq еtйj lауу "У меня мяса нет, только кости".

2) Черт: Mat kińсар "Мой запор".

Ича: Mat kińсар "Мой запор".

В этом примере несмотря на видимость согласия на деле под поверхностью репликами кроется несогласие, возражение собеседника.

Среди диалогов последнего типа встречаются такие случаи, когда два высказывания, тождественные во всех отношениях, принадлежащие разным голосам, связаны весьма своеобразным диалогическим отношением - отношением вха или передразнивания (ср. Бехтин, 1979 : 304). В качестве примера можно привести эпизод сказки, содержащий разговор Ичи с чертовой ловушкой, в которую попал герой: (Ica) nił' ketuqutu: 'Tap roqǵanu lǵnyl laka qajǵo yuqumǵanu?' Konǵaqut kuty qǵylytympaty: 'Tap roqǵanu lǵnyl laka qajǵo yuqumǵanu?' Ica nił'cyk ketuqutu: 'Nynty kuty šip qǵylytymnyty?' Lösyty tütyl' palcal laka. Ica nił'cyk ketuqutu: 'Mat tašynty konǵa tantylä šinty möttak.' Lösyty tütyl' palcal laka aj qǵylytympaty: 'Mat tašynty konǵa tantylä šinty möttak.' Ica sǵyquty roqǵynty űkyp. Konǵa tanta, nił' ketuqutu: 'Kuty šip qǵylytymnyty?' Lösyty tütyl' palcal laka nił' ketuqutu: 'Mat šinty qǵylytymnytytak' "(Ича) так сказал: 'Этот поплавок моей сети почему запутался?' На берегу кто-то передразнивает: 'Этот поплавок моей сети почему запутался?' Ича так сказал: 'Там кто меня передразнивает? (Это) чертова навозная лепешка. Ича так сказал: 'Я тебя, на берег выйдя, побью'. Чертова навозная лепешка опять передразнивает: 'Я тебя, на берег выйдя, побью'. Ича привязал конец сети. На берег вышел, так сказал: 'Кто меня передразнивает?' Чертова навозная лепешка так сказала: 'Я тебя передразниваю'".

Голоса участников любого диалога не имеют характерных примет. Единственное исключение - пример своего рода "тайного языка", умаленное искажение в речи одного из действующих лиц слова qajǵuǵäty "Остуди!", которое становится непонятным посторонним при произнесении его как qajǵäty, благодаря чему двое мужчин сумели скрыть от старухи, о чем они перекрикиваются, и обмануть ее (для слушателя рассказчик Е.П.Безруких делает в этом месте соответствующее пояснение). Несмотря на отсутствие индивидуализации речевых актов сказочных персонажей чужая речь тем не менее является средством концентрации экспрессии звучащей речи.

Краткость диалогических реплик, как и включения прямой речи в текст сказок вообще, минимальная сложность синтаксиса чужой речи способствует простоте, лаконизму выражения. Диалогические включе-

ния в тексте селькупских сказок ведут к драматизации повествования, оказывают заметное влияние на эмоциональный образ текста в целом; их наличие усиливает непринужденность разговорного стиля сказок.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. - М.: Изд-во Искусство, 1979. - С. 281-307.

Лихачев Д.С. Семнадцатый век в русской литературе // XVIII век в мировом литературном развитии. - М., 1969.

Рошияну Н. Традиционные формулы сказок. - М., 1974. - 215 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сказки записаны Л.Ю.Йоффе, Е.А.Хелимским, В.А.Дорошуким и другими участниками экспедиций к тазовским селькупам в 1971, 1973 и 1977 гг.

2. Бывает и обратные ситуации: речь одного из персонажей начинает заменять само повествование.